Изучение показывает, что Кирилл Туровский очень дорожил художественным единством своих ораторских произведений. С целью сберечь это единство он иногда почти полностью повествование растворял в риторическом строе того произведения, в состав которого оно входит. Таков, допустим, его рассказ о входе Христа в Иерусалим в слове первом; нарративная его природа едва ощутима. Рассказ разбит на дробные эпизоды, и все они, с сопутствующими им комментариями, излагаются в форме чередующихся риторических тирад. С той же целью Кирилл нередко подменял повествование прямой речью — диалогами и монологами героев рассказа. В этом случае на долю собственно повествования оставалось очень немногое: задача повествования заключалась в том, чтобы связать в одно целое эти диалоги и монологи, дать им необходимое сюжетное обрамление. К последнему способу Кирилл прибегал тем охотнее, что прямая речь у него ничем в сущности не отличается от речи косвенной, авторской, — разве несколько иной синтаксической структурой, более короткими предложениями.

Прямая речь у Кирилла риторически условна; в слове третьем, например, в беседе с апостолом Фомой Христос цитирует писание, ссылается на пророков — Исаию, Даниила, Иезекииля, сам выясняет прообразное значение своих поступков, т. е. делает то, что с равным успехом мог бы сделать за него и автор. Она никогда не носит у него заметно выраженного индивидуального характера — в зависимости от персонажа, которому поручена, или от той или иной сюжетной ситуации. В этом отношении все монологи героев Кирилла однотипны. Единственное исключение — плач богоматери у ног распятого Христа в слове четвертом; плач соответственно ситуации трогательно лиричен; установлено, что Кирилл, составляя его, опирался на гимнографический образец — на приуроченный богослужебным уставом к великой пятнице канон Симеона Метафраста.[2] Каждый монолог у Кирилла по стилистическому строю своему как бы в миниатюре воспроизводит слово в целом: то же чередование тирад, тот же характерный ритм, рожденный этим чередованием, те же риторические фигуры. Перед нами своеобразная «речь» в речи, составленная не менее изобретательно. Некоторые из этих «речей» — образцы высокого риторического искусства. Плач, допустим, в слове четвертом Иосифа Аримафейского у гроба господня, замечательный изысканным сочетанием анафоры с антитезой, осложненным перекличкой однозвучных слов в каждом из чередующихся предложений: «Солнце незаходяй, Христе, творче всех и тварем господи! Како пречистемь прикоснуся теле твоемь, неприкосновенну ти сущу небесным силам, служащим ти страшьно! Кацеми же плащаницами обию тя, повивающаго мьглою землю и небо облакы покрывающаго! ...Кыя ли нагробьныя песни исходу твоему воспою, ему же в вышних немолчными гласы серафими поють...! Како ли в моемь худемь положю тя гробе, небесный круг утвердившаго словомь и на херовимех с отцемь и с святымь почивающаго духомь!». Или речь Христа в слове об исцелении расслабленного, где антитезы поддерживаются двумя рядами анафорически повторяющихся словосочетаний. «Человека не имам», — жалуется расслабленный Христу. Тот подхватывает эту фразу и на ней строит свой ответ: «Что глаголеши: человека не имам? Аз тебе ради человек бых — щедр и милостив, не солгав обета моего вочеловечения ... Тебе ради, горьняго царства скипетры оставль, нижним служа объхожю

---

[2] М. И. Сухомлинов. Исследования по древней русской литературе. СПб., 1908, стр. 296—298; В. П. Виноградов. Уставные чтения. III. Очерки по истории греко-славянской церковно-учительной литературы. Сергиев Посад, 1915 стр. 121—124.